

УДК 316.33

Насилие и ненасилие в региональной кризисной общности¹

Юсупов Муса Мовлиевич

Кандидат социологических наук, доцент,
кафедра теории и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет,

364037, Российская Федерация, Чеченская Республика, Грозный, ул. Шерипова, 32;
e-mail: musa_y17@hotmail.com

Аннотация

В статье рассматривается социальная природа насилия и ненасилия, раскрываются особенности их проявления в различных ситуациях стабильности и нестабильности, соотношение тенденций насилия и ненасилия в разные периоды истории и развития конфликта. Предметом исследования явилась специфика проявления насилия и ненасилия в пережившем конфликт регионе. В исследовании применялись конфликтологический и социокультурный подходы, методы сравнения, наблюдения, анализа социологических показателей. В статье излагаются причины возникновения регионального кризиса и факторы, обусловившие преобладание силовых методов в урегулировании конфликта. Сила характеризуется как нейтральный феномен, имеющий потенциал организации, мобилизации и созидания, равно как и дезорганизации, разрушения и насилия. В проявлении насилия и агрессии отмечается значение биологических и психологических свойств, но определяющим признается социальный фактор. Раскрываются особенности политической культуры трансформирующегося общества, повлиявших на перерастание социально-политической напряженности в вооруженный конфликт и мотивацию насильственных действий противоборствующих сторон. Рассматриваются модели коммуникативного поведения и стили управления в конфликтной и постконфликтной ситуации. В заключении делается вывод о социальной обусловленности насилия и целесообразности формирования культуры ненасилия и согласия в человеческом общежитии.

Для цитирования в научных исследованиях

Юсупов М.М. Насилие и ненасилие в региональной кризисной общности // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 2А. С. 80-91.

Ключевые слова

Конфликт, насилие, ненасилие, война, принуждение, культура, принцип, ценности.

¹ Статья подготовлена по материалам исследовательского проекта РГНФ, № 09-03-00750а

Введение

Трансформация российского общества, изменение типа социального строя, форм собственности обусловили переструктурирование социальных связей, иерархии ценностей, необходимость совершенствования федерации, перераспределения функций в системе административно-территориального и отраслевого управления. Социально-политические процессы на рубеже 90-х XX в. характеризуются ростом напряженности, возникновением различного типа конфликтов: социальных, трудовых, межэтнических, политических. Это актуализирует потребность изучения сущности насилия, особенностей его проявления в различных сферах социальной жизни, а также в регионе, пережившем конфликт.

Социальная природа насилия и ненасилия

В английском языке слово *power* означает «сила», «власть», производно от латинского *potes-*, быть способным, а насилие – «*violence*», означает – нарушение. В русском языке насилие производно от слова «сила», и в чеченском языке «*ницкъ бар*» – «насилие» – от слова «*ницкъ*» – «сила». Схожие лексические закономерности имеют место и в других языках народов Кавказа, где слова *сила* и *насилие* – однокоренные. Материалы языка предоставляют достаточно конкретные критерии для определения того, что есть насилие [Бочаров, Тишков, 2001, 223].

Однако обозначенные термины не являются синонимами, они по своему смыслу неидентичны. Сила является лишь предпосылкой насилия или его потенциальным носителем. Она превращается в насилие при определенных условиях, но не всегда и не при любых обстоятельствах [Капто, 2002, 126].

Насилие – это сила одного субъекта, направленная в противодействие силе другого субъекта. В российской литературе «насилие рассматривают как коммуникацию действий или реакцию на действия» [Дмитриев, 2002, 172].

Его определяют как форму принуждения со стороны одной группы людей (одного человека) по отношению к другой группе (отдельному человеку) с целью приобретения или сохранения определенных выгод и привилегий, завоевания политического, экономического и любого другого господства. Формы насилия подразделяют на экономические, социальные, политические, идеологические, физические и др. [Ситаров, 2005, 135].

Итак, насилие – это ущерб, который наносится вопреки воле тех, против кого оно направлено, посягательство на их волю. Насилие и ненасилие в жизни переплетены и нередко циклически сменяют друг друга [Садыкова, 2012, 49].

В изучении природы насилия выделяют следующие направления: биогенетическое, психологическое, социальное [Минюшев, 1997]. Соответственно, в этих сферах выявляются и причины насилия. Так, размышляя о природе насилия, К. Лоренц отмечает, что пагубная агрессивность, которая сегодня как злое наследство сидит в крови у нас, у людей, яв-

ляется результатом внутривидового отбора, несколько десятков тысяч лет господствующая среди наших предков [Лоренц, 1994, 49]. Л. Берковиц разграничивает инструментальную и аффективную / эмоциональную агрессию. Инструментальное насилие, совершается человеком в надежде достичь определенную цель, например, получить материальное вознаграждение, добиться социального статуса. Насилие мотивированное эмоциональным порывом бесцельно, такие действия обоснованы лишь стремлением причинить боль жертве [Берковиц, 2001, 494].

Автор утверждает, что есть неоспоримые доказательства того, что агрессивный инстинкт предполагаемого З. Фрейдом, К. Лоренцем и другими теоретиками, в действительности не существует. Какой-то уровень насилия, по его мнению, всегда будет составной частью человеческой жизни [Берковиц, 2001, 497]. Между тем война имеет весьма мало общего с реализацией агрессивных импульсов, хотя не исключено, что поле боя дает возможность некоторым людям проявить ранее скрытое стремление к убийству. Войны – не есть результат врожденных агрессивных инстинктов, они ведутся с целью захвата территорий, ресурсов или являются следствием идеологических или религиозных противоречий [Гидденс, 2005].

Военное насилие производит и воспроизводит распад социального порядка, который существовал в обществе до войны. Ежедневное применение насилия во время войны становится нормой в обществе, а не исключением [Basic, 2015, www].

Тому пример война в Сирии, осложнению социально-политической ситуации и перерастанию ее в гражданскую войну способствовали первоначально две тенденции национализма: пансирианизм и арабский национализм, а также недемократические методы государственного управления, авторитаризм [Dilshad, Filiz, 2015, 373-380].

Как отмечает Н. Бердяев, пагубность вооруженного насилия состоит в том, что человек в молодых послевоенных поколениях получает к этому вкус, он не чувствует себя насилуемым, он сам жаждет насиловать. Война воспитывает насильников. Выпущенные на свободу демоны ненависти и человекоубийства продолжают действовать в мире [Бердяев, 1994].

Однако история не состояла сплошь из войн, чем выше становилась мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции изыскивались для сохранения общества [Назаретян, 2008, 8-32].

Начало XXI в. ознаменовалось тем, что деструктивные взаимоотношения между цивилизацией и локальными войнами, конструирование образа «другого» как врага, проблемный характер самой цивилизации приводят к росту милитаризации и конфликтов [Bowden, Elgar, 2013, 110-117].

Большую угрозу представляют природные катаклизмы, которые могут провоцировать различные виды насилия. В XXI в., по мнению экспертов, водные кризисы могут способствовать дестабилизации государств и, в сочетании с социальной напряженностью, ухудшением состояния окружающей среды, слабыми политическими институтами может привести к проявлениям насилия [Michel, 2016, 1-9].

Таким образом, отечественные исследователи полагают, что попытки объяснить феномен насилия какой-то одной, «главной» причиной не имеют научной перспективы. Ими предлагается системный подход, в частности, объединить причины насилия в три основные группы: структурные; причины, непосредственно относящиеся к властным отношениям; социокультурные и психологические [Дмитриев, Залысин, 2000].

Насилие носит в основном физический характер, к нему прибегают, когда предыдущие фазы, на которых сохранялась способность действовать с помощью рассуждения и убеждения, были фактически блокированы. Источники насилия следует искать как во внутренних, так и во внешних проявлениях той ситуации, которая блокирует иные формы реакции [Мэй, 2001].

Насилию противоположно ненасилие, которое исходит из убеждения в самоценности каждого человека как свободного существа и одновременно взаимной связанности всех людей в добре и зле [Гусейнов, 1994, 35-41].

Ненасилие следует понимать не как смирение и терпеливость, а как активное духовное противодействие насилию и угнетению как социальному злу, способ поведения человека, решения проблемы. Другими словами, насилие и активное ненасилие – ступени зрелости человеческих усилий, направленных на борьбу за социальную справедливость [Пыхтеева, 2012, 215-219].

История показывает, что идеи ненасилия способствуют прогрессивному гуманистическому развитию общества, хотя насилие иногда и оправдывается, но, в конечном счете, оно имеет разрушительный характер, способствует дегуманизации, деморализации общества [Садыкова, 2012, 49].

Отдельные авторы ненасилие рассматривают как предмет личного выбора, моральную позицию, выделяют его принципиальный и прагматический аспект. Так, прагматическое ненасилие может иметь социальные, политические или государственные задачи, принципиальное ненасилие в дополнение к этому или вместо этого может иметь более высокие моральные цели. Словом, ненасилие как принцип, относящийся к этике поведения, предписывает воспитание характера, отвечающего этике добродетели [Холмс, 1989, 23-35].

Насилие и ненасилие в ракурсе регионального конфликта

Многие страны мира поликультурные и поликофессиональные, некоторые из них переживают нестабильность, напряженность и конфликты. Гражданские войны, столкновения между религиозными группами и другие формы социального конфликта чаще всего происходят, по мнению Ролло Мэй, в странах с выраженными линиями культурного раскола [Мэй, 2001, 320].

Культурные различия, возможно, играют доминирующую роль в некоторых внутрисоциальных конфликтах ряд стран Африки, Юго-Восточной Азии, но, глубинной основой их возникновения, на наш взгляд, являются социально-экономические противоречия. Вооруженный конфликт в Чечне, например, возник не по причине цивилизационных, культурных различий чеченцев и русских, российского государства и его субъекта – Чеченской республики, а в результате обострения социальных, экономических и политических интересов.

При этом назревшие потребности перераспределения полномочий в системе политического управления стимулировали обострение противоречий по вертикали «центр» – «регион».

Вместе с тем, было бы не верно вообще отрицать связь насилия с культурой. А.И. Кугай отмечает, что, с одной стороны, насилие является средством утверждения, либо защиты тех или иных ценностей. С другой стороны, сами ценности – инструментально, интегративно, организационно, – содержат разрушительный потенциал и находят репрессивное воплощение в жизни людей [Кугай, 2000, 134]. На региональных противоречиях и их перерастании в войну сказались российские традиции решения социальных, политических, региональных проблем, часто с применением силы и репрессий. В свою очередь в чеченском обществе длительное время преобладало силовое мышление разрешения внешних конфликтных проблем насильственными действиями. Нужно иметь в виду и процесс изменения социального строя, кадровое обновление власти в стране на рубеже 90-х годов XX в. Многим должностным лицам недоставало жизненной мудрости и опыта государственной деятельности. И поэтому справедливо суждение о том, что непрофессионал, взявшийся за такую невероятно сложную, требующую специальной подготовки работу, как управление, и незнающий, как решить ту или иную проблему, обычно прибегает к единственно знакомому ему методу – насилию [Шубкин, 1996, 14].

Как видим, насилие в конфликтах обусловлено историческим опытом, политической традицией, культурой. В немалой степени оно возможно связано со стремлением одной или двух сторон быстро решить сложные проблемы. В рассматриваемом конфликте цель и мотивы насилия вытекали из его характера, желания сторон решить политические задачи. Федеральный центр оправдывал массовое насилие, ссылаясь на международные и национальные законы о праве государства на территориальную целостность. Представители чеченского сопротивления также мотивировали свои действия в защиту права на широкую самостоятельность или независимость республики, опираясь на международные документы, право народа на самоопределение.

Наблюдения показывают, что проявление насилия обусловлено готовностью сторон конфликта к насилию, их вербальной конфронтацией. Такая готовность формируется посредством идентификации по принципу «Мы – Они», «Свои – Чужие». Это служит основанием проявления насилия по этническому, религиозному, политическому признаку. В дальнейшем, в процессе военных действий побудительными мотивами противоправного насилия становится пробуждение низменных инстинктов, а именно: страх, утрашение, самосохранение, месть. Уместно подчеркнуть, что в конфликте в Чечне насилие являлось военно-политическим, а не межэтническим и религиозным, хотя религиозный аспект присутствовал в форме идеологического освящения действий сторон конфликта. В самом расколотом чеченском обществе возникают идентификационные стереотипы: одних, пророссийски ориентированных, называли «национал-предатели», других, оказывающих сопротивление, – «бойцы за свободу», «бандиты, террористы».

Конфликт имеет информационное сопровождение, которое нередко служит одним из разновидностей насилия, «информационное насилие становится составной частью любого насилия» [Борщов, 2009, 79].

Исследование насилия в рамках этнокультуры, по мнению А.В. Дмитриева, предполагает два основных аспекта: пространственный (насилие при защите своего пространства от вторжения чужеродных этнофоров) и социоморфный (обеспечение существующей социальной иерархии и субординации этноса). В этом контексте уместно привести данные социологического опроса грозненцев, характеризующие мотивы сопротивления «боевиков» федеральной объединенной группировки войск во вторую войну.

На их взгляд сопротивление представляло месть за потерю родственников – 31,5%, защиту личной и национальной чести – 19,7%, земли – 19%, свободы и независимости Чечни – 12,5%, ислама – 3,6%, режима А. Масхадова – 1,4% (% от числа опрошенных). Итак, агрессия местных вооруженных групп в отношении федеральных сил воспринимается чаще как возмездие за ущерб и потери, поступок и действие в рамках традиционного культурного кодекса, рассматривающего честь выше жизни.

При освещении конфликта в Чечне часто в публикациях использовалось слово «беспредел». М.И. Кошелев полагает, что это слово пришло в публицистику, а теперь и в социальную науку из жаргона преступного мира и отражает специфическое социальное явление. На его взгляд, правовой беспредел и есть состояние безмерного, не имеющего пределов насилия, осуществляемого одним индивидом или группой людей по отношению к части общества или ко всем людям с применением крайних форм насильственных действий в условиях анонимии, разложения морального сознания общества, ослабления аппарата государственной власти и правовой регуляции поведения [Кошелев, 1998, 47].

Всего в Чечне по минимальным оценкам экспертов погибло свыше 100 тыс. человек, без вести пропало около 5 тыс. Это, естественно, предопределило восприятие в массовом сознании военных действий, называемых официально «контртеррористической операцией». Ее назвали войной со всем народом Чечни – 44,7% опрошенных, с чеченским народом – 41,2%, с режимом А.Масхадова – 3,5%, с бандитами и террористами – 2,9%.

Акты насилия или угрозы совершения таких актов, независимо от того, принимаются ли они в семье, общине, самим государством или при его попустительстве, привносят в жизнь людей чувство страха и отсутствие безопасности [Башкатов, 2001, 5]. Характерно, что в ходе вооруженного конфликта на территории ЧР испытывали чувство опасности ночью – 20,4% опрошенных респондентов, ночью и днем – 75,6%.

Нужно отметить, что в предконфликтной ситуации конфликтующие стороны нередко демонстрируют непримиримость и решимость любыми средствами отстаивать свои позиции на фоне пассивности и нейтральности значительной части населения. С перерастанием конфликта в военные действия и человеческих потерь в общественном сознании формируется потребность в мире и осознание необходимости политического урегулирования ситуации.

В качестве форм давления на конфликтующие стороны использовались такие ненасильственные мероприятия, как демонстрации, уличные шествия, митинги, пикетирование административных зданий и др.

Федеральная власть стремилась на протяжении всего периода конфликта сочетать разные подходы в его урегулировании: мирный и военный. В итоге конфликт разрешился применением преимущественно военно-силовых методов принуждения к миру. Это предопределило возникновение постконфликтной ситуации с неполным урегулированием конфликтного противоборства. В 2003 г. на территории Чечни принимается новая Конституция ЧР, проводятся выборы Президента ЧР, а затем парламента ЧР. Однако продолжались локальные военные операции по уничтожению подпольных вооруженных групп сопротивления, окончательное установление мира формально знаменует отмена Контртеррористической операции (КТО) на территории ЧР 16 апреля 2009 г.

Характерно, что в ходе вооруженного конфликта максимально мобилизуются внутренние ресурсы взаимопомощи и уважительного общения друг с другом людей, и они меньше болеют, чем в обычной повседневной жизни. В постконфликтной ситуации наблюдаются частые проявления агрессии, ссор, конфликтов в межличностной и социальной коммуникации, как бы происходит сброс накоплений эмоциональной напряженности равно как продуцируется и резкий рост нервных, опухолевых и сердечно-сосудистых болезней. Эти факты заметно уменьшаются по истечении нескольких лет, в то время как инерция переноса силовых методов военного времени на мирное строительство длится дольше и имеет тенденцию институализации их как стиля управления в организации хозяйственной и социокультурной жизни.

Восстановление социального порядка, жилищно-коммунальной, экономической инфраструктуры, налаживание системы социального обеспечения характеризует улучшение благоустройства и доминирование процессов миростроительства. Вместе с тем, объем накопившихся проблем провоцирует замещение военно-полицейского насилия социальным, а прямой физической безопасности – социальной безопасностью. Словом, создается обстановка и атмосфера структурного насилия, обусловленного ростом социального неравенства, несоблюдением принципа справедливости, нарушениями в организации экономики и распределении социальных благ, проявлениями фактов поборов, взяточничества. Так, по результатам социологического опроса, сталкивались со случаями взяточничества, коррупции 35,5% опрошенных респондентов [Юсупов, 2012, 75]. Однако коррупция на Северном Кавказе не имеет никаких специфических признаков, иных, чем в целом по России, и надо бороться с ней на государственном уровне [Дзуцев, 2015, 728-729].

Между тем приоритетность идеологии над нравственностью не может быть оправдана никакой научностью, достоверностью и реальностью представлений относительно функционирования любого общества, нации, государства, личности и человеческой цивилизации в целом [Остроухов, 2003, 177]. Идеи ненасилия придерживались, как известно, Лев Толстой, Махатма Ганди, Шейх Кунта-Хаджи на Северном Кавказе и Мартин Лютер Кинг [Гусейнов, 1992, 72-81]. Однако эти идеи широко еще не укрепились в разных сферах нашей жизни. Ненасилие предполагает поиск и созидание новых форм отношений, воспитание и формирование способности к добру и моральному совершенствованию. Оно является предпосылкой возникновения нового

взгляда на мир, выстраивания отношений, согласования интересов и ценностей. Вместе с тем, найти, где проходит граница между приемлемым и неприемлемым использованием вооруженной силы в той или иной ситуации, весьма сложная задача [Сисе, 2007, 25].

Насилие военное, социальное еще будет сопровождать человеческую жизнь, служить средством реализации индивидуальных и групповых интересов. Задача состоит в минимизации проявления насилия, подготовке в исторической перспективе предпосылок торжества идей и принципов ненасилия. Оптимальный путь достижения такой цели обеспечение социального и экономического благополучия, демократизация общества, гуманизация системы управления и повседневной жизни.

Заключение

Насилие и ненасилие две стороны проявления социальной жизни, регулирования отношений в социальном взаимодействии. Насилие и агрессивность в межличностной и групповой коммуникации имеют биосоциальную и психологическую основу, однако было бы неверно объяснять природу рассматриваемых явлений чисто биопсихологическим свойством индивида или групп. Социальная и политическая практика разных обществ показывает, что масштаб и уровень насилия зависит от типа общественного устройства, политической и повседневной культуры общения. Монополия насилия принадлежит государству и его правовым институтам в отношении различных девиаций субъектов, представляющих угрозу общественной и государственной безопасности. В условиях регионального кризиса и децентрализации власти, как показывают результаты исследования и пережитый конфликт, возрастает уровень криминального и политического насилия. Стабилизация ситуации создает предпосылки стимулирования отношений сотрудничества и согласия, использования ненасильственных форм решения проблем социокультурной жизни.

Библиография

1. Башкатов О.В. Насилие как социокультурный феномен: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2001. 19 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм, 2001. 512 с.
4. Борщов Н.А. Информационное насилие в условиях кризиса и нестабильности // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4. С. 75-79.
5. Бочаров В.В., Тишков В.А. (ред.) Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001. 531 с.
6. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
7. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 35-41.
8. Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 72-81.

9. Дзудцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 734 с.
10. Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М.: Гардарики, 2002. 524 с.
11. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социально-политический анализ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 328 с.
12. Капто А. От культуры войны к культуре мира. М.: Республика, 2002. 432 с.
13. Кошелев М.И. Беспредел: философско-трансдисциплинарный очерк. М.: Горизонт, 1998. 111 с.
14. Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб.: РНБ, 2000. 176 с.
15. Лоренц К. Агрессия. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 272 с.
16. Минюшев Ф.И. Социальная антропология. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997. 192 с.
17. Мэй Р. Сила и невинность. М.: Смысл, 2001. 320 с.
18. Назаретян А.П. Насилие и ненасилие в исторической ретроспективе // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1 (1). С. 8-32.
19. Остроухов В. Насилие сквозь призму веков. М.: Олма-Пресс, 2003. 192 с.
20. Пыхтеева Е.В. Насилие и ненасилие: политико-философский анализ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, политология. 2012. № 21 (1-120). С. 215-219.
21. Садыкова В.О. Насилие и ненасилие: теория и реальность // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2012. № 4 (258). С. 49-53.
22. Сисе Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М.: Издательство «Весь Мир». 2007. 176 с.
23. Ситаров В.А. Насилие и ненасилие // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 135-139.
24. Холмс Р. Ненасилие как моральный принцип // Апресян Р.Г. (ред.) Этика ненасилия: Материалы международной конференции 1989 г. М.: Философское общество, 1991. С. 23-35.
25. Шубкин В. Насилие и свобода. М.: На Воробьевых, 1996. 264 с.
26. Юсупов М.М. Специфика управления регионом в постконфликтной ситуации // Социум и власть. 2012. № 5. С. 71-75.
27. Basic Goran. Definitions of Violence: Narratives of Survivors from the War in Bosnia and Herzegovina // Journal of Interpersonal Violence. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0886260515622300>
28. Bowden B., Elgar E. Civilization and War // European Journal of Cultural and Political Sociology. 2014. № 1. Pp. 110-117.
29. Dilshad M., Filiz K. Nationalistic Trends in Modern Syria // European Researcher. 2015. № 94 (5). Pp. 373-380.
30. Michel D. Water Security, Conflict and Cooperation // Strategic Security Analysis. Geneva. Centre for Security Policy – GCSP. 2016. № 13. Pp. 1-9.

Violence and non-violence in the regional crisis of community

Musa M. Yusupov

PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of theory and technology social work,
Chechen State University,
364037, 32 Sheripova st., Grozny, Chechen Republic, Russian Federation;
e-mail: musa_y17@hotmail.com

Abstract

Object. The article discusses the social nature of violence and non-violence, the peculiarities of their manifestations in different situations of stability and instability, balance of trends of violence and non-violence in different periods of history and development of the conflict. The subject of the study is the specific manifestation of violence and non-violence in a post-conflict region. **Methods.** The study used the socio-cultural and conflictological approaches, methods of comparison, observation, analysis of sociological indicators. **Results.** The article describes the causes of the regional crisis and the factors contributing to the predominance of force in resolving the conflict. Power is characterized as a neutral phenomenon, which is the capacity of the organization, mobilization and creativity, as well as disorganization, destruction and violence. It notes the importance of biological and psychological properties in the manifestation of violence and aggression is noted, but the social factor is recognized as determining. In this article, the author examines in detail special features of political culture of changing society that influenced the development of socio-political tension into an armed conflict and the motivation of the violent actions of the warring sides. The special attention is drawn to the models of communicative behavior and management styles in conflict and post-conflict situations. **Conclusion.** The author makes the conclusion about the social conditionality of violence and the expediency of formation of non-violence culture and harmony in the human community.

For citation

Yusupov M.M. (2017) Nasilie i nenasilie v regional'noi krizisnoi obshchnosti [Violence and non-violence in the regional crisis of community]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (2A), pp. 80-91.

Keywords

Conflict, violence, non-violence, war, compulsion, culture, principles, values.

References

1. Bashkatov O.V. (2001) *Nasilie kak sotsiokul'turnyi fenomen. Doct. Diss. Abstract* [Violence as a social and cultural phenomenon. Doct. Diss. Abstract]. Saratov: Saratov State Technical University Publ.
2. Basic Goran. Definitions of Violence: Narratives of Survivors from the War in Bosnia and Herzegovina. *Journal of Interpersonal Violence*. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0886260515622300> [Accessed 15/02/2017].
3. Berdyaev N.A. (1994) *Filosofiya svobodnogo dukha* [The philosophy of the free spirit]. Moscow: Respublika Publ.
4. Berkovits L. (2001) *Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol'* [Aggression: causes, consequences, control]. St. Petersburg: Prain Publ.
5. Bocharov V.V., Tishkov V.A. (eds.) (2001) *Antropologiya nasiliya* [Anthropology of Violence]. St. Petersburg: Nauka Publ.
6. Borshchov N.A. (2009) Informatsionnoe nasilie v usloviyakh krizisa i nestabil'nosti [Information violence under conditions of crisis and instability]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [The Herald of Middle Russia's Social Sciences], 4, pp. 75-79.
7. Bowden B., Elgar E. (2014) Civilization and War. *European Journal of Cultural and Political Sociology*, 1, pp. 110-117.
8. Dilshad M., Filiz K. (2015) Nationalistic Trends in Modern Syria. *European Researcher*, 94 (5), pp. 373-380.
9. Dmitriev A.V. (2002) *Sotsial'nyi konflikt: obshchee i osobennoe* [Social Conflict: General and Special Features]. Moscow: Gardariki Publ.
10. Dmitriev A.V., Zalysin I.Yu. (2000) *Nasilie: sotsial'no-politicheskii analiz* [Violence: socio-political analysis]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.
11. Dzutsev Kh.V. (2012) *Etnosotsiologicheskii portret respublik Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga Rossiiskoi Federatsii* [The ethno-sociological portrait of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation]. Moscow: ROSSPEN Publ.
12. Giddens A. (2009) *Sociology*. Cambridge: Polity. (Russ. ed.: Giddens E. (2005) *Sotsiologiya*. Moscow: Editorial URSS Publ.)
13. Guseinov A.A. (1992) Etika nenasiliya [Ethics of non-violence]. *Voprosy filosofii* [Philosophical Questions], 3, pp. 72-81.
14. Guseinov A.A. (1994) Ponyatiya nasiliya i nenasiliya [Concepts of violence and non-violence]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 4, pp. 35-41.
15. Kapto A. (2002) *Ot kul'tury voyny k kul'ture mira* [From the Culture of War to the Culture of Peace]. Moscow: Respublika Publ.
16. Kholms R. (1991) Nenasilie kak moral'nyi printsip [Non-violence as a moral principle]. In: Apresyan R.G. (ed.) *Etika nenasiliya: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 1989 g.* [Ethics of Nonviolence: Proc. of Int. Conf. (1989)]. Moscow: Filosofskoe obshchestvo Publ., pp. 23-35.

17. Koshelev M.I. (1998) *Bespredel: filosofsko-transdistsiplinarnyi ocherk* [Violation: a philosophical and transdisciplinary essay]. Moscow: Gorizont Publ.
18. Kugai A.I. (2000) *Nasilie v kontekste sovremennoi kul'tury* [Violence in the context of modern culture]. St. Petersburg: RNB Publ.
19. Lorenz K. (1963) *Das sogenannte Böse (Zur Naturgeschichte der Agression)*. Wien: Borotha-Schoeler. (Russ. ed.: Lorents K. (1994) *Agressiya*. Moscow: Progress, Univers Publ.)
20. May R. (1998) *Power and Innocence: A Search for the Sources of Violence*. N.Y.: W. W. Norton Company. (Russ. ed.: Mei R. (2001) *Sila i nevinnost'*. Moscow: Smysl Publ.)
21. Michel D. (2016) Water Security, Conflict and Cooperation. *Strategic Security Analysis*. Geneva. Centre for Security Policy – GCSP, 13, pp. 1-9.
22. Minyushev F.I. (1997) *Sotsial'naya antropologiya* [Social Anthropology]. Moscow: International University of Business and Management Publ.
23. Nazaretyan A.P. (2008) Nasilie i nenasilie v istoricheskoi retrospektive [Violence and non-violence in historical retrospect]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology], 1 (1), pp. 8-32.
24. Ostroukhov V. (2003) *Nasilie skvoz' prizmu vekov* [Violence as Seen Through a Prism of Centuries]. Moscow: Olma-Press Publ.
25. Pykhteeva E.V. (2012) Nasilie i nenasilie: politiko-filosofskii analiz [Violence and nonviolence: political and philosophical analysis]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History, Political Science], 21 (1-120), pp. 215-219.
26. Sadykova V.O. (2012) Nasilie i nenasilie: teoriya i real'nost' [Violence and nonviolence: the theory and the reality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy, sociology, cultural studies], 4 (258), pp. 49-53.
27. Shubkin V. (1996) *Nasilie i svoboda* [Violence and Freedom]. Moscow: Na Vorob'evykh Publ.
28. Sise Kh. (2007) *Spravedlivaya voina? O voennoi moshchi, etike i idealakh* [Fair War? On military power, ethics and ideals]. Moscow: Ves' Mir Publ.
29. Sitarov V.A. (2005) Nasilie i nenasilie [Violence and non-violence]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, pp. 135-139.
30. Yusupov M.M. (2012) Spetsifika upravleniya regionom v postkonfliktnoi situatsii [Specificity of regional governance in post-conflict situations]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 5, pp. 71-75.